

Владимир МАКАРЕНКОВ

ИЗ НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

СВЯТКИ

Уже не спишь, но мерный снегопад
не отпускает в мир из сонной грёзы,
всё кажется: по-снежному хрустят
далёкие невидимые звёзды.

Который день не утихает снег,
как будто жизнь играет с ним в колядки,
как будто снег – небесный оберег
от духов зла, когда приходят святки.

От первой засветившейся звезды
через двенадцать серий сновиденья
до освящённой в проруби воды,
от Рождества Господне до Крещенья
пусть замечает снегом белый свет,
пусть мнится, что за облачным порогом
ждёт пробуждение на бездну лет,
пусть грезит мир рождённым Девой Богом.

Я стал безлюдным человеком,
как мой оторопевший сад,
запорошённый сонным снегом,
с сосульками с ветвей до пят.

Я сам январская сосулька,
жизнь отшумевшая вода,
чья заморожена прогулка
по миру, будто навсегда.

Но я живой, ещё я буду
под солнцем таять, на ветрах
безмолвствовать и верить чуду
существования в снегах.

Пока вода влекома снегом
в огнях космических гирлянд,
останусь снежным человеком,
не сломленным, как зимний сад.

Все более молчу, не говорю
не нужных слов, презревших откровенность.
Спасибо, друг, за искренность твою –
редчайшую земную драгоценность.
Ее наивной сутью спасены,
среди людей, но за мирским пределом
мы счастливы вдвоем, ведь мы честны
друг перед другом мыслями и делом.
Все более не слушаю других,
у лжи в реченьях ничего не ново.
Мы землю разделили на двоих
и верим, что вначале было Слово.

А жизнь летит, на центробежный круг
событий выйдя на седьмом десятке.
Что вызывало ранее испуг,
сегодня числится как «всё в порядке».

И если бы неожиданно вертолёт
Мне подарили, будто мир в ладонях,
Я б отказался, кто же будет лёд
счищать с крыльца, где ты пройдёшь сегодня?

Под старость счастье робкое сбилось,
в материю преобразив сердечность.
Мы дом построили, где каждый гвоздь
с любовью для тебя вколочен в вечность.

Я в мир вошёл с душою нараспашку,
я людям верил больше, чем себе,
я был готов последнюю рубашку
отдать тому, кто прогорел в судьбе.

А мир преподавал подлую науку:
не хочешь зла – не сотвори добро,
прячь глубже сердце, коли подал руку,
отдай любовь за золото-серебро.

И вот на мне последняя рубашка,
а в сердце пепел и прогоркла кровь.
Земля, планета ты или шаражка,
где трудится космическая голь?

Я врезался в тебя метеоритом,
и уцелел, и ты мне не страшна.
Жаль одного, растущим мегалитам
последняя рубашка не нужна.

Мне повезло, я век прожил
вдали от суетной столицы;
на плечи мне садились птицы,
ручьи текли по руслам жил.

Кривят губу: «Провинциал!», –
но за Смоленскою стеною
я знал, чего по жизни стою.
Какой я к чёрту маргинал!

Я видел всё, что может быть
в России с честным гражданином,
и оставался верным сыном
страны, когда хотелось выть.

Мы так живём, – поди пойми,
где гениальность, где безумство,
но я не обескровил чувства,
нас сотворившие людьми,

А уподобился пчеле,
нашедшей луг в цветенье сладком.

Несу благоуханным взятком
свою любовь родной земле.

Я слышал мало слов любви,
их чаще заменяли лестью
или готовой отравить
искусственной словесной снедью.

Всегда я сравнивал слова
с поступками и делал вывод,
в ком совесть всё ещё жива,
а в ком прострелена навывлет.

Что говорить, я одинок,
как всякий, кто, пустившись в скеписис,
самим собой остаться смог
и не прогнулся в раболепстве.

Но полон силою мой дух
от слов, которые так зримо
мне подарил когда-то друг,
и от признания любимой.

Торжественно сад распускает соцветья,
на клумбах – мозаика ярких цветов.
Весна отмечает своё долголетье,
а, может, бессмертье, не знает никто.
Уже над сиренью заметно свечение, –
увлёкся игрой фиолетовый свет.
С женой о простом говорю, а в реченьях
как будто рассыпан медовый букет.
Я снова, как мальчик, наивен и странен;
мила до травинки и до светляка
природа, мой путь обновлён и бескраен,
а в спину легонько толкает рука

незримого друга, который на ухо
мне шепчет мелодии новых стихов.
Насколько хватает природного слуха,
пытаюсь озвучить я музыку слов.
Мне большего ныне для счастья не надо,
настолько устал от беды мировой.
Печальное сердце возвышенно радо
родниться с цветами и сорной травой.

Облака висят на нитях света,
солнце, одуванчиковый мёд
распыляет ветер, вот и лето
подпеваает маю у ворот.

В гуще коронованной сирени
серый деревенский воробей
бойко прочирикивает трели,
те, что ночью выдал соловей.

А в итоге песенка выходит –
чим-чирим – простая, да своя.
Если днями слушать, то изводит
душу серенада воробья.

Будь добрее, привыкай, не цыкай
на певца. Уединясь в тиши,
пой своё, воробушек, чирикай!
Песни все в природе хороши.

БЕЛЫЙ САД

– I –

Идёт война, а майский сад
в июнь вливает коравеллой,
неся на белых парусах
цветы гербом благого лета.
Распевы птиц и пенье ветра,
и всплески шелеста листвы...
всё говорит о том, что жизнь –

огромное земное море,
в котором всякому живому
найдётся место для приюта.
Зачем же люди убивают
друг друга в грохоте орудий;
зачем не едут, как в музеи
добра, в цветущие сады?!

– II –

Я краской обновлял сарай.
Внезапно из подшивки крыши
в атаку бросились шмели,
как боевые вертолёты.
И я, обороняясь кистью,
Как мяч ракеткой, одного
Отбросил в крашеную стену,
лохматый воин подцепил
на тельце каплю вязкой краски,
упал беспомощно на землю
и забарахтался в траве.
Мне было странно наблюдать,
как насекомое, пытаюсь
взлететь, отчаянно жужжит
и бьётся в твердь безрезультатно.

В том трагедийность, что в сердцах
жалея скорбно бедолагу,
ничем помочь ему не мог.
Закончив дело, с любопытством
Вернулся я туда, где шмель
в траве усердно чистил брюшко,
определив интуитивно
причину цепкости земли.
И мысль пронзила, – как ужасно,
когда расплавленным железом
других людей калечат люди,
когда в звериной ярое злобе
навек становятся врагами...

И забелел, как саван, сад...

ЛЬВЫ ИЗ СИНЕВЫ

Надо мной скворечник,
подо мной трава.
Бег минут беспечных
в вечность,
синева –
в облаках, как будто
распушили львы
гривы.
– Вы откуда?
– Мы из синева.
– А куда бежите?
– В дальние края.
– Побежали!
– Жить мне
здесь велит земля.

ЖАСМИН

В тени раскидистых берёз
в разгар июньского цветенья
любуюсь девственностью роз
в розарии... как приведенье
в сторонке топчется жасмин,
держа цветы в зелёных лапах;
как из мифических глубин,
плывёт по саду горний запах.

Ах, мой жасмин!
Жасмин ты мой!
Я больше роз тобой любуюсь
И окунаюсь с головой
в твой куст, и нюхаю, и жмурюсь
от счастья, – вновь мы пленены
на пару солнечным июнем,
и горним запахом пьяны...
вновь сам себе кажусь я юным.

Самообман превыше сил,
и чувства побеждают разум;
Бог даровал, что я просил
ещё юнцом, пусть дал не сразу,
а под закат житейных дней...

Гляжу на млечность без опаски, –
бессмертны в памяти моей
земные запахи и краски.

Пока с утра живительна прохлада
и воздух ласково струится у виска,
я обрезаю ветви винограда,
от крайней грозди отступая три листа;
подвязываю листовые плети
к железным нитям, у корней поля траву –
в прострации,
как обо всём на свете
одновременно думаю думаю, свою.

Возможно ли такое? Да, возможно,
когда разумнее отдаться гроздьям чувств,
чем рассуждать о чём-либо тревожно, –
жить-поживать, как виноградный куст,
отбросив все ненужные побеги,
бесцельно льнущие, то к небу, то к земле.

Как гроздьям винограда томно в неге
под нежным солнцем, виноградно мне.

Дни стозвонным солнцем отзвенели,
на исходе летняя пора;
золотые яблоки поспели,
закачались, как колокола.

Лето молчаливо обернулось,
глянуло с надеждой в синеву,
шаг назад ступило и – споткнулось,
покатилось яблоком в траву.

Сколько прожито событий! А дорог
сколько пройдено!.. Всё – пылью на ладони
у бессмертия, всему один итог...
Как я счастлив, не спеша, пройтись по Блонье.

Встретить яркую улыбку на лице,
добрый взгляд, как свет сердечного подарка.
Оказаться у истории в кольце,
в глубине аллей Лопатинского парка.

Ах, кремлёвская Смоленская стена,
всю тебя мы обшныряли пацанами!
Ты колечком обручальным нам дана,
чтобы Родина не разлучалась с нами.

О себе ли перед вечностью пекусь,
слыша звонницу Успенского собора?
Одигитрии в смирении молюсь
о тебе, мой достославный древний город.

Через сотни лет ты будешь зеленеть
знойным летом, а зимой белеть под снегом.
О тебе смоляне будут песни петь,
дорожить тобой, как русским берегом.

Сколько прожито событий! А дорог
сколько пройдено!.. Всё – пылью на ладони
у бессмертия, всему один итог...
Как я счастлив, не спеша, пройтись по Блонье.

Заблудшие тёплые дни
нежданно прошедшего лета –
как письма далёкой родни,
как рана ослабшего света.

Плывут облака, как дымок
горячих небесных дыханий,
как будто окрестности Бог
поставил в берёз подстаканник.

Мы тоже заварим чайку
и сядем тесней на качели.
Нажиться на нашем веку
мы вдоволь вдвоём не успели.

Пусть юность от нас далеко,
а память разбилась о камни.
Зазря не вини никого,
в годах не повинны мы сами.

Заблудшие тёплые дни
нежданно прошедшего лета –
как письма далёкой родни,
как рана ослабшего света.

ВСЯ ПРАВДА В ТОМ...

Живут поэты – на воздушных островах
в цветочных хижинах, построенных Богами;
их мысли кудрятся в небесных головах;
они бахвалятся своими берегами.

Не всем понятны, а кому-то и смешны
благим служением своим капризным музам,
но в социальных сотах не побеждены
ни властным мнением, ни творческим союзом.

Они упрямы, как восточные ослы,
и, добывают, как шахтёры уголь, строки,
в миры иные строят звёздные мосты,
и потому так непомерно одиноки.

Обыденность и вездесущий быт –
их кровные враги, в болотной ряске
отметин нет, где утонул пиит,
не важно, пил или страдал в завязке.

Но есть одно, что отличает всех
поэтов от бездарных графоманов:
не доверяют славе, ведь успех
среди людей им кажется обманом.

Вся правда в том для них, что за столом
рождаются все истины вселенной,
кто к ним причастен – ангелом влеком
в бессмертие дорогой вдохновенной.

Обманчив мир в величии своём.
Что жизнь в заём даётся – забываем
и думаем, что на века живём,
а не сгораем заживо, витаем
в иллюзиях... Всему один итог –
забвение, иной мудрец до смерти
заботится о вечном смысле строк, –
а время дует, как песчаный ветер.

Я чувствую и мыслю, я живу
и счастлив, предаваясь вдохновенью,
и самому себе я не совру
в том, что равно бессмертие мгновенью.
Так не наносят ноль на циферблат,
условно заменяя на двенадцать,
так в небе звёзды для землян горят,
в то время как от них дымы клубятся.

Мне возражат: «Вот Иисус Христос...»,
другие возражат: «А вот Мухаммед...».
Религия всегда большой вопрос,
на примиренье жизни не хватает.
Мгновенна жизнь, бессмертны на века
её неразрешимые вопросы.
Одно понятно мне наверняка:
величие людей – пустые грёзы.

Октябрь чадит, прогорая
листвой и дождями дымя.
Затопим камин, дорогая,
вдвоём посидим у огня.

Древесное пламя, как птица,
встревоженно бьётся в стекло.
Не верь, что плохое случится,
на ветер в трубу утекло.

Теперь-то мы знаем, что счастье
не плод наших радостных мук,
во многом зависит от власти,
царицы невольных разлук.

Судьба с нами в карты играет
со ставкой на жизнь или смерть.
В камине огонь догорает,
огню-то не страшно сгореть.

Ладонь на ладони застыла,
огонь между ними – живой.
Иллюзия личного мира
сгорает в печи мировой.

Плыла по миру осень и веслом
сбивала шелуху пожухлых листьев,
вдруг увидала: в лентах жёлтых ситцев
копна соломы проросла овсом.

Как будто нежной зеленью согрета,
зарделась осень солнечным теплом,
преобразилась дивно в бабье лето.
Мир засиял в убранстве золотом.

Каждое утро рождаюсь я заново,
каждый мой день обустроен не планоно;
если живёшь ты сегодняшним днём,
в плановом мире тебя бунтарём
примут...

А так ведь Христом нам завещано.

Мир сотрясла философская трещина.
Прибыль – по плану, наваром к навару.
Личное счастье – по божьему дару.

Богу и людям по-разному мил
треснутый мир.

АДАМОВО ЯБЛОКО

Томясь в одиночестве в сетке
предзимнего голого сада,
последнее яблоко с ветки
ладони приветливой радо.

На милой земле жизнь такая
однажды устроена Богом:
хрустеть на зубах, истекая
живительным солнечным соком.

– Когда уснёт уставший мир,
намаявшись от окаянства,
я слушаю ночной эфир
околоземного пространства.
О, какофония небес!
Союз рождения и смерти.
Играючи межзвёздный бес
планету по-кошачьи вертит
в когтистых лапах...

– Бес? А Бог?

– А Бог взирает с горних высей,
как распускается клубок
запутанною нитью жизни.

ОСКАРУ

Мой верный пёс, как благостно с тобой,
какая радость от твоей улыбки;
важнее слов твой белый хвост трубой,
твои глаза – египетские свитки.

За ними скрыт характер боевой,
клыки и ловкость, верность побратима.
Как ни скажу, звучит как позывной
твоё очеловеченное имя.

Как будто апокалипсис трубят,
так мир рассорился с бездушным веком.
А я с тобою чувствую себя
доверчивым и добрым человеком.

Не ведом финиш жизненной дороги,
мы каждый день в неведомом пути,
нелепо подводить всерьёз итоги,
когда не знаешь, что там впереди.

Сегодня рад удаче, а назавтра
беда сыграет шахматным конём,
и огонёк бодрящего азарта
вдруг станет инквизиторским огнём.

И жизнь не жизнь, а мука.
Ежечасно,
ежеминутно, словно в первый раз,
по-детски открывай, что жизнь прекрасна
здесь и сейчас.
Дерзай
здесь – и сейчас.

Не только ведь от снега белый,
ещё день белый потому,
что тучи, словно каравеллы,
уплыли, в трюмах спрятав тьму.

И что с того, что солнца мало
и не искрится звёздно лёд?
Заоблачное опахало
недвижно, небо воздух пьёт.

Какое счастье, выпив чая,
снег возле дома убирать,
день белоснежный привечая
по-старорусски: «Исполать!»

Сжался, сердце, ёкни хоть для вида!
Я иду по улице родной.
Где ты, детство? Словно Атлантида,
затонуло... Сжался надо мной,
сердце! Память только эпизоды
сохранила, как на чердаке.
Голубями выпорхнули годы,
старость повела на поводке.

Эти лица, эти взгляды встречных
молодых девчонок и парней,
может, из запасников сердечных
разгуляйской юности моей?

Стал я нищ на чувства, но не зависть
всё же руководствуется мной.
Сердце, для твоей утехи радость
я ищу на улице родной.
Не для нас «прожито – позабыто»,
всё в груди, лишь только оглянись.
Ёкай, ёкай, сердце, не для вида,
воедино склеивая жизнь!

Я отстранился и – исчез,
(как будто временно) из мира.
Я практикую землю без
себя, – когда умолкнет лира.
Что изменилось без меня?
На зимнем небе блики солнца,
как стеклодувы, свет гранят,
вот-вот и оттепель начнётся.
Подтаёт, вновь повалит снег.
Картинкой сменится картинка.
И что с того, что человек?
Я для природы лишь снежинка.

В ЭТО РОЖДЕСТВО

Утро морозно, рождественский снег –
в брызгах бенгальского солнца;
нет, не язычество, но оберег
на Рождество нам даётся
русской природой, ведь ночью в церквях
людно вершились молитвы;
утренний иней лежит на ветвях
перьями, как после битвы
ангелов с бесами; наперекор
стылых ветров завываньям
с солнечной музыкой слышится хор
с горних вершин мироздания.

Заворожён самим собою зимний сад.
Метель промчалась мимо в облачной карете.
Снежинки вверх, как тополиный пух, летят,
и спящим почкам снятся сны о тёплом лете.

Упавший снег необычаен, снег таков:
ступить неловко, будто он живой, и сразу
пугливо скрипнет под ногой, и в такт шагов
заладит сдержанно одну и ту же фразу.

Воздушный снежный день душе – как оберег.
Благодарю, февраль, что шефствуешь над нами,
за снежный сад, за снег, твой животворный снег;
растаяв в сердце, – на бумагу лёг стихами.

Я с любимой женою взлелеял мечту:
распустили бутоны домашние розы;
даже пальмы безумствуют в зимнем саду
в дни, когда за окном – минус тридцать морозы.

Говорят, что Россия – медвежья страна;
всё леса да снега; допотопным укладом
жив народ... Только, знаешь, не те времена,
скоро станет Россия большим зимним садом.

Нашей Родине нужно лишь больше тепла
неуёмных сердец, добрых рук и мечтаний.
Роза в зимнем саду в январе расцвела,
как волшебный цветок из народных преданий.

Эта выдумка пишется тысячи лет, –
трансформирует в вечность мгновенья
самый лучший поэт, сочинивший рассвет,
ясный день, и закат, и созвездья.

Целой жизни не хватит за ним открывать
все задумки, гадая над тайной;
их умом не понять и душой не объять
в лабиринтах вселенной бескрайней.
Остаётся одно: из реалий и снов,
озираясь на пение птичье,
расшифровывать райскую музыку слов
на рифмованном косноязычье.

Я пел весну, как тёплый ветер, в стайке
с воробушками рвался в синеву,
и видел солнце номером на майке
в денёчки, предвещавшие весну.

Но вот уже как год на Украине
на жизнь людей поставлен смертный гриф,
и солнечный аврал в февральской сини
мне видится как огнемётный взрыв.

Как нам вернуть прекрасное былое?
Мечта, наверно, из пустых затей.
Застопорено время роковое
кровавыми минутами смертей.

От каждого потребуется подвиг –
взглянуть эпохе в страшное лицо
и выстоять, и не свернуть с дороги,
где время катится, как колесо.

Февральский день напоминает лето
до белизны промытой синевой,
в прямых потоках солнечного света
замёрзший мир облит живой водой.

Что солнышку до наших бед и болей?
Проснулось и по-летнему взошло.
Сыпучий снег искрится, но не более,
не тает, а в душе – тепло-тепло.

Не знаю, может, есть края другие,
где так же с солнцем перемешан снег,
но мне милее все снега России –
языческий берложий оберег.

В церквях – молитвы божьего народа,
а там, где поле и дремучий лес,
творит молитвы русская природа:
мороз и снег, и золото небес.

Кружится редкий снег, как серпантин,
на солнечном дожде переливаясь.
В пространство зачарованно глядим,
друг с другом чувствами переключаясь.

Что не скажи, – в словах не различим
язык Творца; безмолвной снежной пеной
завьюживает мысли; так молчим,
что явно слышим музыку вселенной.

Излишне думать, что однажды мир
споткнётся в сердце на последнем стуке,
и наши души выпорхнут в эфир,
а там... – ... возьмёт ли кто их на поруки?

Как горячо тепло твоей руки,
Как глубоки божественные звуки,
Как мы близки к бессмертью, вопреки
природой предусмотренной разлуке!

СОРОЧЬЯ ПРИМЕТА

О том, что приходят весенние сроки,
что начаты проводы русской зимы,
трещат без умолку в берёзах сороки,
сверкая в ветвях, как цветы Хохломы.

В голодное время – метели и холод, –
когда вся деревня сидит по домам,
они подались, словно беженцы, в город,
поближе к помойкам, к пустым чердакам.

Привыкли мы вторить: «Грачи прилетели!»
Сорочья примета не меньшей цены:
«Уж если сороки в снегах загалдели,
прими их за вестников тёплой весны».

У весны ещё немного щедрой нежности,
хоть и явственной навязчивый мотив.
У собора распускаются подснежники,
как в молитве люди, головы склонив.
От зимы кругом лежат облатки снежные,
а на клумбах, где оттаяла земля,
эти первые цветочные блаженные
возглашают Божье чудо бытия.

Из всех грехов, которые достались
землянам по программе дзэнка,
страшнее всех иных библейских зависть,
орудующая исподтишка.

Людьми оберегается, как тайна,
и от других, и от самих себя,
но поражает сердце моментально,
разумных возражений не терпя.

Не забывай же искренне молиться,
чтоб зависть к людям на твоём веку
по-божески могла переродиться,
став завистью к весеннему цветку.

Ирине Флиманковой

В садовый скворечник скворцы прилетели
и вили гнездо в тишине.
На тисе у дома воробушки пели –
«чим-чим» да «чив-чив» – о весне.

Когда донеслось до земли с поднебесья
«курлы» да «курлы» журавлей,
в саду зазвучала скворчинная песня,
без нот не расскажешь о ней.

И мир закружился, и всё в нём запело;
затеplился свет под ребром;
то музыка жизни в меня залетела,
как в найденный собственный дом.

СМЯДЫНЬ

– I –

В густом тумане над Днепром
всплывает древнее преданье:
меж двух колод в лесу глухом
из-под земли идёт сиянье.

Перекрестись, осилив страх,
на чудо, явленное с неба;
здесь закопали второпях,
надеясь скрыть убийство, Глеба.

Здесь в голубом сиянье ввысь
растёт воздушный Вышегород,
где Глеба в вечность ждёт Борис,
который раньше был заколот.

А в ясный день придёшь сюда, –
не сыщешь устья и причала;
река Смядынь, как со стыда,
от глаз под землю убежала.

Лишь камень да церковный свет,
заливший святостью округу;
плывёт ладья; в ней принял Глеб
братоубийственную муку.

– II –

Там, между Чехией и Польшей,
где криво смотрят на Восток
метафизические рожи,
зарыт бесславно Святополк.

Истлели кости, с ярой злобой
не успокоившийся дух
братоубийцы над Европой
кричит, как ядерный петух.

Сулит богатства и свободы
«здесь и сейчас» любой стране,
и призывает все народы
к братоубийственной войне.

Юрию Кекшину

Среди живых ещё, в дороге,
бегущей вдаль от слов пустых;
судьбой написанные строки
дороже вымыслов любых.

Сегодня лягут на бумагу
апрельской свежее травой,
впитают время, словно влагу,
и станут памятью живой.

Уже не важно, кто что скажет,
не до сомнительной игры, –
что завязала жизнь, развяжет
все судьбоносные узлы.

И не такая вовсе малость –
катать рифмовки на губах:
останется и уж осталась
жизнь светокопией в стихах.

В АПРЕЛЬСКОМ САДУ

– I –

Оголились корни, словно жилы
напряглись в оттаявшей земле.
Здравствуй, сад!

Мы зиму пережили.
Помнишь, приходил я в феврале?
Так приходят навестить больного
в дни, когда в больничных простынях
он, едва похожий на живого,
недвижим, как мёрзнувший в снегах.

Лишь таят глаза, как будто почки,
жизни неуёмные листочки.

– II –

Солнышко разбудит, словно мама
проведёт ладонью по щеке.
А в окне такая панорама!
Сад и роща в синеньком платке.

Оживают яблони и груши;
почки обозначились крупней.
Будет день сегодня самым лучшим
после пережитых хмурых дней.
Буду обрезать сучки и красить
известковой краскою стволы.

Пусть не велико, а всё же счастье –
быть обычным жителем земли.

Зацветают первые берёзки,
к пенью ободрённые скворцом.
Говорят, – у нас пейзаж неброский,
а по мне – написанный Творцом.

Выдалась весна на редкость ранней,
скоро первомайскою листвою
затрепещет синева, и грянет
гром, спеша за тучей дождевой.

Землю в поле, как механизатор,
возвращаю на свои круги;
тарахтит усердно культиватор,
утопают в пашне сапоги.

Небо так безоблачно, безбрежно,
хоть лети, да ворожит земля.
Я пашу и повторяю нежно:
«Милая земелюшка моя».

СИНИЙ ДЕНЬ

У Мономаха вновь приветил
меня большой Соборный двор.
Прохладно, ветрено, но светел
день, позолотой куполов
играет солнышко, туристов
ведёт в собор экскурсовод,
и на душе так чисто-чисто,
как будто ясный небосвод
окутал сердце синевою;
так пеленает мать дитя,
так путник бархатной листвою
в тени оазиса объят.

Ходил бы так кругами вечность,
глядел на небо и собор,
на богомольцев, с каждым встречным
вступая в мирный разговор,
о том, что вот, какой сегодня
на удивленье синий день,
как будто Господом приподнят
край горизонта; вожделен
и я, пусть не увидеть зримо,
а ощутить, как незначай,
земную радость пилигрима:
за горизонтом – Божий Рай.

МУРАВЕЙ

Откуда на сердце такая усталость,
как будто всё в жизни уже состоялось?
Как раненой птице, душе не взлететь?
Быть может, ты знаешь? Родная, ответь.

Всё так относительно, так иллюзорно.
На поле забвенья рассыпались зёрна
из наших до боли горячих сердец,
и праздно блуждает по космосу жнец.

Я точно не знаю, ловлю, как приёмник,
эфирные волны, листаю, как сонник,
текущие дни, и в нахлынувшей тьме
тревожусь и думаю всё о войне.

И люди все кажутся мне муравьями,
с большими глазищами и челюстями;
земля – в муравейниках, нет их вины,
что век свой не могут прожить без войны.

Ужель никогда мы не станем, родная,
людьми, и не встанем, войну проклиная,
во весь человеческий рост?

Муравей,
кричу на весь мир: «Не убей, не убей!»

Выйду из дому в сад, в голубой вышине
пишут ангелы облачной краской:
«Миру – мир! Грозное проклятье войне,
одурманенной ядерной сказкой!»

На бегущей из Ада эфирной волне
закачалась опасно планета.
«Счастье детям земли! Миру – мир! Нет войне!» –
колыбельная песенка спета.

А в саду аромат источает жасмин;
сладко, словно пахнуло из Рая.
Постоим, помолчим, в небеса поглядим,
мироносные строки читая.

ГОЛУБАЯ МЕЧТА

А какая она, голубая мечта?
Каково наивысшее благо?
Каждый в звёздное небо глядит, как с моста
над развёрзнutoй бездною мрака.

Но на землю летит только звёздная пыль,
золочёная солнечным светом.
Голубая мечта – это древняя быль
или сказка о самом заветном?

Я живу у вселенной на самом краю,
в окруженье цветов и деревьев,
и пою, как люблю этот мир, – так стою
на своём, в чудо жизни поверив.

Голубеет простор, голубеет река,
голубеют небесные выси.
Голубая мечта по-земному крепка
неуёмною силою жизни.

Стихи сбываются, как сны
во тьме рождённые, и сами
в сиянье утренней росы
приходят призрачными снами.

И полнят музыкою мир
словесно льющиеся звуки.
И кажется, что взял эфир
большую душу на поруки.

Душа – невольница небес,
в земном изгнании из Рая
творит стихов противовес
для злого мира, в нем сгорая.

Когда исчерпают все рифмы себя,
слова изотрутся на ритмах, –
три ангела высших в слезах протрубят
о страшных итоговых битвах.

Поэт, как бы ни был искусен в словах,
каким бы пронзительным словом
людей не потряс, в животворных делах
главнейшее Слово за Богом.

Из всех стихов, пригрезившихся мне
в течение жизни – с островков поэзии:
о мире и любви, не о войне,
о Родине – земле, не об империи.

О смерти не споёшь, как о любви.
Любовью не изрежешь мир на полосы.
Да могут ли на жертвенной крови
расти стихов магические образы?

Прошу учесть, когда я о войне
пишу стихи, – печалюсь о мире,
какого нету ни в одной стране...
Мир, подчинённый гармоничной лире.

Я о войне спросил у Бога,
а мне ответил Сатана:
«У власти ваших жизней много,
а у тебя твоя одна.
За что живую душу Богу
отдашь? Ценней земные дни.
Продай к условленному сроку,
что хочешь за неё возьми».

«Ну, что же, дьявольская сила, –
ответил я. – Таков мой счёт:
нужна мне сильная Россия,
в которой волен мой народ,
в которой радость жизни светит
сильнее всех земных огней,
и беззаветно любят дети
своих отцов и матерей».

И тут такой поднялся ветер,
что в тучи рухнула Луна.
Так ничего мне не ответил,
качая небо, Сатана.
А я из горнего истока
напился правды про войну.
Не нужно спрашивать у Бога,
коль нужно защищать страну.

На садовую шляпу мою
доверительно бабочка села.
Я, как пугало, с ней постою
без печали на сердце и дела.
Посмотрю на родные леса,
на сады и на поле с соломой,
где упавшие зёрна овса
ищут вяхири, где невесомо
в синеве, выверяя маршрут
уходящего в августе лета,
облака в неподвижности ждут
хоть какого попутного ветра.
Вот бы с ними пуститься и мне
в дальний путь сквозь небесные хляби.
Да сплелись мои корни в земле,
и пришпилена бабочка к шляпе.

Война, а думать хочется о мире,
о тайнах мироздания, о живом;
жизнь и любовь, как дважды два – четыре, –
земное счастье, войны – о другом.

Торопятся военные составы
за славой и победой, – смерть врагам.
Но более всего по-Божьи правы,
кто слёзы льёт по детям и мужьям.

На фронте небеса – в свинцовых сотах,
восходы и закаты все в крови,
но в ночь затишья снятся сны в окопах
о доме, мирной жизни и любви.

Война, с утра в разбуженную рощу
войдёшь и душу оторопь берет:
березы в синеве листву полощут,
и алый парус солнышка плывет.